
ПРЕДИСЛОВИЕ

Если не брать в расчет царский двор и аристократию, то коллекционировать в России начали купцы. Третьяковы, Щукины, Морозовы, Остроухов — классический московский набор. П. М. Третьяков в этой группе стоит особняком, как и его Галерея. Имя Третьякова никогда не замалчивалось, и у советских читателей и зрителей даже сложилось впечатление, что кроме Павла Михайловича коллекционеров в России не существовало. Но они были, и немало — в одной только Москве больше десятка, включая Сергея Ивановича Щукина, Ивана Абрамовича Морозова и Илью Семеновича Остроухова.

Жизнь этих трех московских коллекционеров уместилась в одну книгу. Писать ее было непросто. От Щукина осталось несколько страниц дневника, открытки брату и письма Матиссу. От Морозова — счета за картины, а от Остроухова, чье имя гораздо менее известно, нежели тандем Щукин — Морозов, — огромный архив, более тысячи писем и черновиков плюс всевозможные мелочи, вплоть до счетов на покупку кистей и букетов цветов.

Наши герои были друг с другом знакомы и даже находились в дальнем, но родстве, что для московского купечества неудивительно. Биографии их во многом типичны для русских купеческих династий. Московские домовладельцы, из семей староверов, относившихся к труду как к послушанию; Щукины — из боровских лавочников, Морозовы — из выкупившихся на волю крепостных. Тот и другой учились за границей, знали языки, любили музыку. Оба унаследовали отцовскую предприимчивость и приумножили капиталы, один — торгового дома «И. В. Щукин с сыновьями», другой — Товарищества Тверской мануфактуры. Жили в Москве по соседству: Щукин на Знаменке, у храма Христа Спасителя, Морозов — по другую сторону бульвара,

на Пречистенке. Остроухов тоже купеческий сын и почти ровесник Шукина, но прикипел к богатейшему купечеству только к тридцати годам, женившись на дочери П. П. Боткина, двоюродной сестре Шукина.

С. И. Шукин был на семнадцать лет старше Морозова, но выглядел молодо, особенно в сравнении с грузным Иваном Абрамовичем. Слабый здоровьем, к тому же сильно заикавшийся, Сергей Иванович воспитывал характер: гимнастика, закалка, вегетарианство. Покупать картины оба начали почти одновременно, с разницей в пять лет, не больше. В Париже ходили по тем же галереям и выставкам, но находили что-то свое в заинтересовавшем их художнике. Даже количество картин, которое купил каждый, оказалось равным.

Шукин деньгами не сорил и старался расплачиваться с процентов с капитала. Морозов был в несколько раз богаче: тысячи рабочих на фабриках, а не просто купля-продажа текстиля. На картины тратил сотни тысяч в год, но и не отказывал себе в удовольствии поторговаться. Расписки парижских маршанов хранил все до последнего клочка, поэтому подсчитать, во сколько ему обошлась коллекция, можно с точностью: 1 миллион 410 тысяч 665 франков (за рубль давали сорок франков). Это — не считая русской «половины» (зашкаливавшей за триста работ), поскольку Морозов покупал еще и современную русскую живопись, причем в товарных количествах. Но это отдельная история.

Иван Абрамович Морозов не пускал к себе посторонних. Музей «планировал» как опытный куратор, заранее зная, что от Сезанна ему нужен именно «голубой» пейзаж и от Матисса желательно пейзаж. Был готов ждать вожделенной работы годами и специально оставлял для картины свободное место на стене. Прислушивался к чужому мнению, доверял художникам: из русских — Серову, а из французов — Морису Дени.

Сергей Иванович Шукин картины выбирал только сам. Современных русских художников не покупал, зато в особняк пускал охотно. Художественная молодежь реагировала на увиденное в особняке в Большом Знаменском переулке, «как эскимосы на патефон», как выразился князь Щербатов. Овеществленный результат шукинского просветительства — искусство первого русского авангарда: ученики Школы живописи писали под Сезанна, «матиссничали», дробили форму *a-ля* Пикассо... Шукин рассказывал о картинах с таким же азартом, с каким и покупал. Видя картину, испытывал нервный трепет и возбуждение, мечтая во что бы то ни стало за-

владеть ею. Короче, «гипноз или магия», как он объяснял «случай Пикассо». Часто ему приходилось бороться даже с самим собой: он заранее знал, что назовут сумасшедшим, когда он привезет Дерена и Руссо. Неудивительно, что Бенуа назвал покупку матиссовских «Танца» и «Музыки» «подвигом».

Илья Семенович Остроухов — фигура несколько иная, но личность по-своему выдающаяся. Собственного бизнеса он не имел и довольствовался жениным, сидение в конторе все его время не занимало — на фабриках и ярмарках приходилось бывать редко. По профессии Илья Остроухов был художник, хотя систематического образования не получил, по призванию — собиратель и музеестроитель. Помимо собственной коллекции он управлял третьяковской. Целых четырнадцать лет был главным человеком в Галерее, которую старался превратить в национальный музей русской живописи, а у себя в Трубниковском любовно собирал музей своего, личного вкуса. Музеи личного вкуса собирали и братья Шукины — Петр и Дмитрий Ивановичи (судеб которых мы касаемся лишь вскользь), но Остроухов делал это с невероятным темпераментом, азартом и подлинной страстью, ибо в отличие от них был натурой артистически одаренной. Илья Семенович покупал французскую живопись и русскую графику, восточную бронзу и античное стекло, китайские лаки и русскую икону. Кстати, именно ему вменяют в заслугу открытие художественного феномена русской иконы, в которой до Остроухова ценились совсем иные, нежели собственно живописные, достоинства. Характер у Ильи Семеновича был вздорный, нередко он любил покрасоваться и поиграть в купца, «оправдывая свое замоскворецкое происхождение». Однако, несмотря на несговорчивость, капризность и безапелляционность суждений, притягивал к себе окружающих — знаниями, вкусом, пониманием. Его заключениям безропотно верили: Остроухов не имел права ошибаться, поэтому его ошибки становились сенсацией.

С началом Первой мировой войны жизнь наших героев изменилась. Границы закрылись, и о покупках в Европе, куда они ежегодно отправлялись на поиски шедевров, пришлось забыть. В июле 1918 года национализировали крупную промышленность, а в конце года объявили народным достоянием частные коллекции. Шукин не выдержал первым. В августе 1918-го Сергей Иванович исчез из Москвы («киевский поезд», фальшивые паспорта, кукла с зашитыми бриллиантами), оставив галерею на попечение дочери и зятя. Морозов продержался на десять месяцев дольше, не

в силах расстаться со своим музеем. Стерпел, когда галерею национализировали, но, когда потребовали освободить помещение, не выдержал. Морозов исчез весной 1919-го. Потеря коллекции оказалась смертельной. Щукинской стойкостью Иван Абрамович не обладал: пережить самоубийство двух сыновей, брата и смерть жены — такое вообще мало кому было под силу. Морозов скончался летом 1921 года во время процедур в Карлсбаде, куда приехал поправить здоровье. Ему должно было исполниться пятьдесят.

С. И. Щукин пережил И. А. Морозова на пятнадцать лет и скончался в 1936 году в Париже, успев переписать завещание, составленное в 1907 году. Он больше не желал дарить свой музей Москве и отписал все имущество жене и детям. Завещанное парижским нотариусом завещание Российская Федерация не желает принимать в расчет, поскольку реституций наши законы не признают, а французские законы не признают конфискации без компенсации. Неразрешимая коллизия. Морозов, кстати, в 1921 году тоже составил завещание, которым все отписал жене; впрочем, в отличие от Щукина желания подарить коллекцию городу он никогда не изъявлял.

Щукин и Морозов эмигрировали, а Остроухов остался. Его назначили директором Музея иконописи и живописи имени Остроухова, в постановлении так прямо и написали: «Вы назначены директором Музея Вашего имени». Дали оклад, персональную пенсию и две комнаты в его же особняке. Ради музея Илья Семенович был готов все снести: согласился перевесить картины, сам покупал входные билеты, делая вид, что в посетителях нет отбоя. После смерти Остроухова в 1929 году музей его имени мгновенно ликвидировали и, как тогда было принято выражаться, «распылили», распределив по многочисленным музеям.

Годом раньше, в 1928-м, щукинскую коллекцию слили с морозовской в единый Музей нового западного искусства, который спустя двадцать лет расформировали. Картины в спешке разделили между собой Эрмитаж и Пушкинский музей — постановление о ликвидации отводило на эту процедуру две недели. Если бы можно было все переделить заново, то историческая справедливость могла бы восторжествовать хотя бы отчасти: Петербург получил бы Музей Щукина, а Москва — Морозова. Или наоборот. Во время дележа собрания в 1948 году о коллекционерах никто и не вспомнил. Обоих не было в живых, и даже инициалы «Щ» и «М», проставленные вместо имен бывших владельцев, давно исчезли из каталогов.

В конце XX столетия в России появилась новая русская буржуазия, удивительным образом напоминающая богачей начала XX века невероятной любовью к роскоши и желанием испытать какие только возможно удовольствия. Обладатели громадных капиталов, как правило, люди с причудами и странностями, но, несмотря на экстравагантность поступков, большинство из них способны достойно распорядиться своими миллионными состояниями. Сумасбродные идеи и невероятные начинания русских богачей начала XX века способствовали созданию в России той культурной атмосферы, в которой происходил небывалый взлет искусства и науки рубежа веков. Нынешние собиратели во многом схожи со своими предшественниками. С той же всепоглощающей страстью относятся к своему увлечению, мечтают стать великими коллекционерами и боятся «распыления» собранного, не важно, собственными ли детьми, или государством.

Во всем мире на этикетках под картиной можно прочесть не только имя автора, ее написавшего, но и имя человека или учреждения, благодаря которому тот или иной предмет оказался в музее. В эрмитажных залах с французской живописью конца XIX — начала XX века такие этикетки висят уже много лет. Великими коллекционерами следует гордиться. Когда-нибудь музеи, в которых хранятся иконы, картины и скульптуры, собранные героями нашей книги, тоже придут к этому.

Благодарю моих коллег, оказавших мне неоценимую помощь в работе над книгой советами и участием, в первую очередь Инну Агапьеву и Ольгу Кабанову, а также Владимира Полякова, Михаила Золотарева, Сергея Егорова-Орлетина и Хилари Сперлинг (Лондон).

Огромную роль в появлении на свет этой книги сыграли потомки великих коллекционеров — внук С. И. Щукина Андре-Марк Деллок-Фурко и его жена Кристина, правнук И. А. Морозова Пьер Коновалофф, его жена Катя и ее мать Лидия Ермакофф. Без их страстного желания узнать как можно больше о своих предках вряд ли бы я рискнула взяться за такой труд.

Большое спасибо сотрудникам научной библиотеки и архива ГТГ, в которой хранится фонд И. С. Острохова, а также архива ГМИИ имени А. С. Пушкина, где мне пришлось когда-то работать и где Александра Андреевна Демская, тогдашняя заведующая отделом рукописей, заразила меня своей страстью, вылившейся спустя сорок лет в книгу о московских коллекционерах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАГАДКА ЩУКИНА

Купеческий сын, коллекционер Сергей Иванович Щукин позволил себе увлечься новым искусством, на что не мог решиться ни один аристократ, обремененный кучей фамильных предрассудков и табу. Федор Шаляпин в автобиографической книге «Душа и маска» удачно прошелся насчет «социально-духовной эволюции купца-миллионера», явно намекая на нашего героя. «А то еще российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве. ...Его не смущает, каким товаром ему приходится торговать... Сегодня иконами, завтра чулками, послезавтра янтарем, а то и книжечками. Таким образом он делается “экономистом”. А там глядь: у него уже и лавочка или заводик. А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите — его старший сынок первый покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса. А мы, просвещенные, смотрим со скверно разинутыми ртами на всех непонятных еще нам Матиссов, Мане и Ренуаров и гнусаво-критически говорим: “Самодур...”»

А самодуры тем временем потихоньку накопили чудесные сокровища искусства, создали галереи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву». Наверняка Шаляпин имел в виду С. И. Щукина.

Коллекционеров во много раз меньше, чем художников. Следовательно, гениальных коллекционеров вообще единицы. Сергей Щукин, собравший в начале XX века одну из самых серьезных коллекций новой западной живописи, безоговорочно попадает в их число. Если бы Щукин родился в Европе или Америке, о нем писали бы романы, снимали фильмы и наверняка появился бы термин, опи-

сывающий «феномен Шукина» по аналогии с «синдромом Стендаля»¹ или чем-то подобным. Но С. И. Шукин жил в России, где случилась революция, и ему пришлось все бросить и исчезнуть из Москвы. А без денег и коллекции он перестал быть кому-либо интересен.

В 1936 году старик Сергей Иванович тихо скончался в Париже, и его забыли окончательно. Смерть Шукина совпала с «гражданской казнью» Музея нового западного искусства, где висели картины, купленные им когда-то. Капиталиста-эмигранта последний раз помянули в 1948 году, закрывая этот «рассадник формалистического искусства». Потом была «оттепель», картины повесили вновь, но спрашивать, каким, собственно, образом Матисс и Пикассо оказались в России, не полагалось. Только не в меру любопытные иностранцы позволяли себе интересоваться, откуда в Москве и Ленинграде взяли эти шедевры, но никакого вразумительного ответа не получали. Позднее, когда запретных тем почти не осталось, имя С. И. Шукина стали произносить вслух, биографию коллекционера и хронологию его покупок восстановили — спасибо моему учителю и наставнику Александре Андреевне Демской, создателю архива ГМИИ имени А. С. Пушкина, успевшей найти и расспросить еще остававшихся в живых шукинских родственников и знакомых. Американка Беверли Уитни Кин тоже внесла посильную лепту: ей удалось встретиться в Бейруте со старшим сыном коллекционера и записать его рассказ.

«В коллекции он выказал вкус. Но еще больше, чем вкус, своеобразие его собранию придает его способность воспринимать исключительное, особенное, непривычное. В этом он русский», — написал в 1914 году немецкий искусствовед Отто Граутофф. Неужели же только тем, что «он русский», можно объяснить фантастическое чутье московского торговца текстилем на авангардную живопись? Но почему именно он, потомок боровских лавочников, сумел купить столько шедевров, почему именно он, внук старо-

¹ Синдром Стендаля — избыточное возбуждение, испытываемое человеком от нахождения в зоне воздействия искусства или в месте сосредоточения большого числа объектов искусства. Название дано в честь французского писателя Фредерика Стендаля (настоящее имя Анри Бейль, 1783—1842), описавшего в книге «Неаполь и Флоренция: путешествие из Милана в Реджио» свои ощущения во время визита во Флоренцию.

обрядца, рискнул заказать Матиссу панно с обнаженными фигурами? Откуда такая поразительная интуиция? Разгадай мы «секрет Шукина», возможно, мы смогли бы разобраться в сути самого феномена собирательства.

Биографам писателей и поэтов можно позавидовать — и тебе черновики, и дневники, и письма. А как поступать с коллекционером, оставившим после себя несколько открыток, деловую переписку с художником А. Матиссом (публиковавшуюся и комментировавшуюся неоднократно) и несколько откровенных дневниковых страничек? Вместо цитат из стихов или прозы — одни лишь картины, а если сильно повезет — то цены с датами покупок. Однако должно же быть некое вразумительное объяснение приобретению шокирующих московских «людей от коммерции» полотен Сезанна и Пикассо помимо банальных слов о русских самородках, огромных деньгах и неудовлетворенных амбициях.

То, что Сергей Шукин гениальный коллекционер, — аксиома. «Феномен Шукина» — это одновременно феномен русского купечества, слухи о дремучести которого сильно преувеличены. Разговоры о «темном царстве» и отце-невежде — не про братьев Шукиных, которые выросли в богатейшей, прозападно ориентированной купеческой семье, учились в Европе, знали языки, разбирались в искусстве и состояли в близком или дальнем родстве со всей московской денежной аристократией второй половины XIX века. На самом-то деле про С. И. Шукина и его братьев можно было бы написать русскую «Сагу о Форсайтах», охватив почти целое столетие русской, да и европейской истории в придачу. Только представьте: наш герой родился в дореформенные 1850-е, учился в пореформенные 1860-е, стажировался за границей в 1870-е, вошел в семейное дело в 1880-е, стал покупать импрессионистов в 1890-е, Гогена и Матисса — в 1900-е, Дерена и Пикассо — в 1910-е, а умер в Париже за несколько лет до начала Второй мировой войны.

В семье Шукиных было не принято упоминать о коллекции. «Бабушка никогда мне не рассказывала об удивительных сокровищах своего мужа. Родители тоже хранили молчание», — говорил мне внук Сергея Ивановича, когда впервые увидел фотографии шукинской галереи. «Теперь я понял, почему в изгнании Сергей Иванович не мог жить без картин. Мой дед был одним из величайших собирателей своего времени».

РОД ШУКИНЫХ

Отцовская линия: Шукины

Брат Петр Иванович, собиравший древние архивы, нашел в Писцовых книгах Боровска за 1625 год упоминание о некоем «Ивашке сыне Шукина». Это означало, что отцовский род вел начало со «смутного времени» и родиной Шукиных был стоящий на крутом берегу реки Протвы Боровск. В незапамятные времена деревянная Боровская крепость считалась мощным форпостом, но случившийся в «лихие годы» страшный пожар уничтожил ее дотла, и из оборонительного поселения Боровск постепенно стал превращаться в торговый городок. К концу XVIII века он уже был вторым, после Калуги, городом калужского наместничества: купцы и мещане составляли более половины его населения. Еще Боровск считался городом староверов — две трети боровчан числили себя старообрядцами.

В Пафнугтев-Боровский монастырь дважды ссылали мятежного протопopa Аввакума, здесь же томились в заточении и мученически погибли боярыня Морозова с сестрой, княгиней Урусовой, чьи тела, по повелению царя Алексея Михайловича, тайно захоронили в остроге¹. Во время войны 1812 года Боровску пришел конец: город был разграблен, местное купечество, включая Шукиных, разорено. К середине XIX века Боровск окончательно захирел и превратился в имеющий «некоторое торговое значение» город. Но Шукиных в нем почти не осталось. Когда осенью 1812-го французы отступали по старой Калужской дороге (и Наполеон Бонапарт даже соблаговолил заночевать в Боровске), семейство двинулось на Север, бросив дома, огороды, лавки и небольшой стекольный завод. Отсидевшись в Вологде, Шукины раздумали возвращаться в разоренный Боровск и разъехались кто куда. С тех самых пор и пошли новые линии рода — сибирская и московская.

¹ Сподвижницы Аввакума сестры Соковнины (в замужестве — Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова), заточенные сначала в Боровский острог, а затем в земляную яму, где они в 1675 году скончались. Из опасения паломничества старообрядцев захоронены тайно. Любопытно, что в числе первых приобретений С. И. Шукина были этюды В. И. Сурикова к историческому полотну «Боярыня Морозова», купленному П. М. Третьяковым.

Дед наших героев, Василий Петрович, обосновался в Москве и из старообрядчества перешел в православие. Торговал мануфактурным товаром. В 1832 году скончался, завещав дело шестерым сыновьям. Третий брат, Иван, довольно скоро отделился, завел собственное торговое дело, удачно женился и разбогател. У него тоже родилось шестеро сыновей, трое из которых сделались страстными собирателями. Братья-коллекционеры были погодками: Петр родился в 1853-м, Сергей — в 1854-м и Дмитрий — в 1855-м, в год кончины императора Николая I и восшествия на престол будущего царя-освободителя Александра II.

Дмитрий Иванович перед смертью признался, что и он сам, и братья обладали каким-то обостренным художественным «нюхом». «Стоит нам посмотреть на рисунок, картину или любую другую вещь, как мы настораживаемся. Не можем сразу определить, в чем дело, но что-то чувствуем. У меня такое “обоняние” развито на старое искусство, у брата Сергея на новизну, а у Петра — на древности». Вот, собственно, и разгадка «феномена Шукиных». Но ведь «нюх» на пустом месте развиться не может, его надо тренировать, как вкус или «глаз». Бывает, впрочем, врожденный дар — например, музыкальный слух или иной талант, часто передающийся по наследству. В таком случае художественный «нюх» наверняка передался Шукиным по материнской линии, от Боткиных, коллекционерство у которых, по выражению знатока московского купечества П. А. Бурышкина, «было в крови»¹.

Материнская линия: Боткины

Боткины происходили из старинного русского рода «торговых людей» и пришли в Москву с Валдая, из города Торопец. Если совсем точно, то Конон Боткин с сыновьями Дмитрием и Петром переселился в Москву в 1791 году. Петр Боткин разбогател на чае. Открыл закупочную контору в Кяхте, за Байкалом, в нынешней Бурятии (в 1792 году сюда перенесли из Иркутска главный таможенный пункт,

¹ Этот дар передавался в семье даже через поколения. Профессор медицины Сергей Петрович Боткин не страдал манией собирательства, а сын, врач Сергей Сергеевич, сделался тончайшим коллекционером русского рисунка. А еще доктор С. С. Боткин приходился зятем коллекционеру Павлу Михайловичу Третьякову: он был женат на его дочери Александре.

и русские купцы повезли через Кяхту в Китай сукно, мануфактуру, пушнину и кожу), и рискнул торговать экзотическим товаром. Кто-то вез из Китая шелк, фарфор и сахар-леденец, а Боткин — чай. Покупать и продавать за деньги купцам запрещалось: Боткин менял текстиль на чай (в Москве у них тогда имелось свое текстильное производство) и скоро стал самым крупным его поставщиком. Потом отважился торговать китайским чаем в розницу. Риск продажи мизерными порциями оправдался, товар подешевел, чайная аудитория расширилась. Когда разрешено было завозить английский чай, фирма «Петр Боткин и сыновья» первой открыла собственную закупочную контору в Лондоне и привезла в Москву невиданный здесь индийский и цейлонский чай. Потом у Боткиных появились свои свекольно-сахарные плантации и завод... Но это было уже при сыновьях Петра Кононовича, успевшего дважды жениться и родить двадцать пять детей, из которых выжили четырнадцать.

Сыновья и внуки П. К. Боткина прославили фамилию ничуть не меньше боткинского чая. Талантливость «представителей этой чистокровно великорусской семьи» была поразительна (отсутствие и «малейшей примеси иноземной крови» биографами всегда педалировалось особо: вот, полюбуйтесь, на что способно «славянское племя», если к его «даровитости присоединить обширные и солидные познания и любовь к настойчивому труду»). С одной стороны, Боткиных называли русскими самородками, а с другой — обвиняли в излишне проевропейской ориентации. Богатейшее российское купечество действительно было сильно европеизировано, но в очень тонкой своей прослойке. Боткины играли роль своеобразного буфера между дворянской интеллигенцией и купечеством. Папаша Петр Кононович, персонаж «темного царства», — по одну сторону, а его старший сын Василий Петрович вместе со своими друзьями Станкевичем, Герценом и Грановским — по другую. Купцы тогда не ездили «запросто к князьям» и у себя их не принимали (родовая аристократия от денежной дистанцировалась), а Василий Боткин был желанным гостем везде. На этот счет есть замечательный исторический анекдот. Великосветский гость баронессы Менгден, урожденной княгини Елизаветы Бибиковой, видит выходящего из ее гостиной Боткина и интересуется: «Что вы, у Боткина чай покупаете?» — «Нет, я подаю ему чай», — гордо отвечает хозяйка.

Василий Петрович Боткин был человеком уникальным. Герцен и Огарев считали купеческого сына лучшим

знатоком и толкователем Гегеля. Он дружил с Белинским (который одно время имел квартиру в доме Боткиных), сотрудничал в «Современнике» с Некрасовым, наставлял молодого Льва Толстого. Гончаров и Островский прислушивались к его мнению, а П. В. Анненков адресовал ему знаменитые «Парижские письма». Либерал Боткин, мечтавший о всеобщей буржуазии (чтобы «сословия дворянское, купеческое, мещанское и цеховое сошлись вместе»), сумел благодаря друзьям-демократам повстречаться и побеседовать с самим Карлом Марксом.

Племянники Щукины видели знаменитого дядю Василия Петровича несколько раз в жизни, но с другими Боткиными — у мамыши Екатерины Петровны было девять братьев — общались часто. Петр Щукин в «Воспоминаниях» рассказывает о всех родственниках довольно подробно, за исключением самой матери. Сообщает лишь, что в 1849 году, в двадцать пять лет, Екатерина Боткина вышла за купца Ивана Васильевича Щукина, чем порадовала отца, давшего по случаю ее помолвки большой бал. Петр, родившийся в год смерти старика Петра Кононовича и в честь него названный, пишет, что мать была строгой и детей совсем не любила (а их родилось у нее десятеро). Детские обиды Петр Иванович забыть так и не смог и припомнил матери все: и что она никогда не дарила подарков, и что «больно была куда попало» за ошибки в диктантах. «Екатерина Петровна была плохого характера. Делила детей на любимых и не любимых. Была строгая, сдержанная, даже черствая и никогда не выражала своих чувств. Не любила Надежду. Любила Сергея, Ивана, горбатого Владимира». Неудивительно, что отца дети обожали: в конторе он свирепствовал, даже родному брату не делал поблажек, зато дома позволял себе быть мягким и внимательным. «Отца мы очень любили, он делал нам выговор только тогда, когда кто его заслуживал... Отец нас баловал... У отца были такие выразительные глаза, что от одного его взгляда дети моментально переставали реветь», — вспоминал Петр.

Екатерина Петровна диктовала детям по-русски и по-французски сама, ибо была дама образованная. «Как и все Боткины, она была “западница”, любила все французское, даже “н” писала на иностранный манер». Старший брат Василий Петрович занимался воспитанием сестер лично: сам выбирал предметы, какие им следует изучать, и сам же оплачивал учителей, приходивших в Петроверигский к Екатерине, Марии и Анне. Выходит, не столь уж невеже-

ственным был Петр Кононович Боткин, если согласился не вмешиваться в воспитание младших детей и «передоверил» не только девочек, но и мальчиков старшему сыну, чьи познания в литературе, философии, музыке, архитектуре и живописи конечно же оценить не мог. Василия Боткина редко теперь вспоминают, хотя этот «подлинный русский самородок», днем торговавший за прилавком в чайном амбаре отца, а вечерами читавший в подлиннике Гегеля, комментировавший Шекспира и написавший знаменитые «Путешествия по Испании», вполне заслуживает отдельной биографии¹. Но, поскольку на Сергея Щукина и его братьев рано ушедший из жизни дядя непосредственного влияния не оказал, подробно пересказывать его жизнь мы не станем. Тем более что у молодых Щукиных имелось такое количество выдающихся родственников, что их следует хотя бы перечислить.

На первом месте стоит, конечно, Василий Петрович Боткин. Далее идут двое младших братьев матери: Сергей Петрович Боткин, самый знаменитый русский врач, и Михаил Петрович Боткин, академик живописи (самый младший из братьев², он нес на свадьбе Екатерины и Ивана Щукина образ). За ними — вечно путешествовавший «красавец турист» Николай Петрович Боткин, друг Гоголя и художника Александра Иванова. Следом — двое московских дядюшек: Петр Петрович и Дмитрий Петрович, оба занимавшиеся чайной торговлей (Петр Кононович перед смертью назначил членами фирмы «Петр Боткин и сыновья» двух сыновей от первого и двух — от второго брака). Петр Петрович мало с кем общался, а вот с семьей Дмитрия Петровича и его жены Софьи Сергеевны, урожденной Мазу-

¹ По образованию купцу-самоучке Боткину трудно было найти равных. Итальянский и испанский он выучил сам, а французский, немецкий и английский, которые преподавали в пансионе, довел до блеска. Юному Боткину хватило одного года заграничного путешествия по Германии, Франции, Италии, чтобы, вернувшись в 1835 году, заинтересовать своей персоной московских интеллектуалов. «Боткин — молодой купец, недавно приехавший из-за границы, — писал Станкевич, — человек, каких я, кажется, не встречал: столько ума, столько гармонии и святости в душе... Может быть, я увлекаюсь, но нельзя не увлечься, встретив человека, в котором так много прекрасного».

Петербургский исследователь Б. Ф. Егоров, десятилетиями изучавший историю Боткиных, недавно выпустил капитальное исследование о всех поколениях этой семьи. См.: *Егоров Б. Ф. Боткины*. СПб.: Наука, 2005.

² Михаил был младше Василия на 28 лет.

риной, Шукины были особенно близки (старший сын, Николай Шукин, даже женился на одной из их дочерей). Были еще братья: Павел Петрович, живший в столице юрист-холостяк, и обосновавшийся в Москве Владимир Петрович, отец жившего в Париже художника Федора Боткина.

И под конец упомянем мужей сестер Екатерины Петровны Шукиной. Мужем младшей, Анны Петровны, был врач Павел Лукич Пикулин, сын профессора Московского университета, один из лучших московских клиницистов, знаменитый на всю Россию редактор популярного «Журнала садоводства», для которого писали статьи химик Бутлеров и историк Забелин, эдакой «Химии и жизни» шестидесятых — семидесятых, но XIX века. Средняя, Мария Петровна, вышла за поэта Афанасия Фета. Екатерина Петровна присутствовала на свадьбе сестры. Летом 1857 года Иван Шукин выправил заболевшей жене заграничный паспорт и та вместе с Марией уехала в Европу. В Париже Мария Петровна и А. А. Фет обвенчались в русской посольской церкви, причем шафером жениха был И. С. Тургенев, а невесты — ее братья Василий, Николай и Дмитрий Боткины. Николай Петрович, имевший в Париже собственную квартиру, организовал свадебный обед. Биографы Фета полагали, что тот не испытывал к невесте высоких чувств и женился в расчете на богатое приданое¹. Однако Мари Боткина была не такой уж богачкой: по завещанию отца, приданое ее составляло всего 35 тысяч рублей серебром (это дает повод предположить, что и Екатерина Боткина не принесла своему мужу большого капитала). Помимо талан-

¹ «Несмотря на то, что во внешнем нашем положении не было ни малейшего сходства, наше внутреннее заключало в себе много невольно сближающего», — сухо комментировал впоследствии А. А. Фет свое сватовство к Мари Боткиной, которую встретил в доме ее брата. Фет писал, что «она безотлагательно приняла мое предложение, чистосердечно объявив, что у нее ничего нет, за исключением небольшого капитала». Братья вошли в положение сестры и выделили супругам 100 тысяч, на которые и было приобретено ими имение в Орловской губернии. Марии Петровне исполнилось 29 лет, и братья потеряли всякую надежду выдать сестру замуж. «Право, все это сбылось так неожиданно, что я до сих пор боюсь верить. <...> Я радуюсь еще и тому, что Фет человек благоразумный и расчетливый и попусту бросать деньги не любит, — а это в муже и при их средствах вещь не последней важности. На Машу письма Фета производят действие электричества, а сегодня от депеши она едва могла расписаться о получении ее и несколько минут не могла выговорить ни одного слова», — писал Василий Петрович брату Дмитрию Петровичу.

та пианистки у нее оказался талант преданной жены, и она прожила с Фетом в любви и согласии тридцать пять лет.

Отец наших героев Иван Васильевич Щукин несколько не стеснялся, что не знает французского или не столь образован, как его многочисленные родственники и друзья интеллектуалы. Он не покупал ни картин, ни книг, как его закадычный друг Кузьма Солдатёнков, зато был одним из «гениальных русских торгово-промышленных деятелей». Как утверждает П. А. Бурьшкин, фирма «Иван Васильевич Щукин» входила в десятку самых крупных российских скупщиков текстиля. Сделав большие деньги на торговых операциях, И. В. Щукин вошел в число учредителей Товарищества ситцевой мануфактуры А. Гюбнера. А когда стало развиваться банковское дело (торговля без кредитов существовать не могла), стал одним из учредителей Московского учетного банка. Помимо этого, он состоял в учетном комитете московской конторы Государственного банка, был товарищем Купеческого старосты и членом Коммерческого суда¹. Бурьшкин вспоминает, что таким уважением, каким пользовался Иван Васильевич Щукин, мало кто в Москве мог похвастаться — репутация у него была безупречной.

Семья

Детство братьев и сестер Щукиных прошло на Покровке. После женитьбы родители наняли особняк на Мясницкой, в Милютинском переулке, потом купили дом в Колпачном, рядом с Боткиными, который впоследствии продали и перебрались с Покровки на Пречистенку. Петр Иванович считал, что отец сильно переплатил за дом в Лопухинском переулке: 250 тысяч рублей в 1874 году были огромной суммой, хотя особняк был трехэтажный, каменный, с мебелью, садом и оранжереей. В нижнем этаже были комнаты для прислуги, чайная конторщиков и кухня, «настолько большая, что в ней во время вечеров пятнадцать поваров свободно готовили ужин». Комнаты детей, гувернанток, прислуги, а также буфетная, столовая и контора

¹ До последних дней Иван Васильевич вел деятельную жизнь, хотя, вспоминает Петр Иванович, здоровье уже было не то, и «в театрах отец обыкновенно не досиживал до конца представления, и в ложах Московского Большого театра, где имеется комнатка с диваном, обыкновенно засыпал во время итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любил».

фирмы располагались на втором этаже. На третьем, парадном этаже жили отец, мать и младшие братья со старушкой немкой. Отец устроил себе кабинет в огромном зале. Выглядел он эффектно: гранатово-красный потолок, декорированный бело-золотой лепниной, в тон ему — желтый шелковый штоф на диванах и креслах, такие же шторы и портьеры на дверях. Через арку из залы попадали сначала в Красную гостиную с затянутыми пунцовым шелком стенами по моде семидесятых, а затем в Голубую гостиную с золоченой мебелью. Рядом была еще и бильярдная. Далее начиналась дамская половина: белый, атласный будуар и спальня матери. Про картины Петр не пишет, но помнит фрески на потолке итальянской работы — дикие тигры среди фантастических зарослей. Чего-чего, а любви к роскоши купечеству было не занимать: не случайно во время коронации императора Александра II дом откупщика Толмачева, доставшийся потом Шукиным, отвели под резиденцию австрийского посланника.

«Блестящая эпоха» Пречистенки началась для братьев Шукиных в 1870-х, когда все четверо — Николай, Петр, Сергей и Дмитрий — друг за другом вернулись в родительский дом из Европы. Излишнее внимание к датам и историческим реалиям не должно удивлять. Чтобы оценить совершенный нашим главным героем «подвиг», суть которого состояла в способности перебороть себя, пойти наперекор традиционным вкусам и поверить во французских живописцев-новаторов, следует еще раз напомнить, что поклонник творчества Матисса и главный покупатель Пикассо родился в 1854 году¹, во времена, когда дядя Василий Петрович Боткин принимал у себя дома Герцена, Тургенева и молодого Льва Толстого и в гостиных вместо электрических люстр горели свечи. Тут нам очень помогут «Воспоминания» его брата Петра Ивановича, собравшего массу курьезных подробностей вроде стишков «Свечи, свечи сальные, светильники бумажные, горят они ясно, очень прекрасно», которые пели на Нижегородской ярмарке мальчишки-разносчики, а купцы им подпевали: «Горят они, ноют, ничего не стоят». Еще Петр Шукин запомнил, что трехэтажные дома во времена их детства были редко-

¹ Как и его старшие братья, С. И. Шукин был крещен в храме Архидиакона Евпла на Мясницкой — Шукины жили в его приходе; младших крестили в церкви Успения на Покровке. Оба храма снесены в советское время.

стью, что Москва плохо освещалась и уличные фонари горели тускло. И будочники, стоящие с алебардами у своих будок, ночью окликали прохожих, и на вопрос: «Кто идет?» надо было отвечать: «Обыватель». Иначе забирали в часть.

«Учились мы дома, у гувернанток. Из них помню лишь Варвару Ардальоновну Эйнвальд, из смолянок. В качестве бонны жила у нас добродушная старушка-немка, которая поила нас своим кофеем и читала немецкие рассказы Франца Гофмана. Звали ее Федосьей Егоровной. Муж ее был драпировщик и работал у нас, когда не был пьян. К моей матери ходила презлая старуха француженка, которую мы очень боялись... На уроки гимнастики ездили мы к французу Билье, содержавшему гимнастическую залу на Большой Дмитровке. Танцам учил нас танцмейстер Вишневский, приезжавший к нам в дом вместе со своим скрипачом. Выделять под звуки скрипки разные па было для нас сущим наказанием; танцевать я так и не научился, несмотря на все старания Вишневского».

Отец, Иван Васильевич Шукин, доверял немецкому образованию, у всех мальчиков боннами были немки; сам отец дома часто говорил по-немецки (матери, яркой галломанке, такое вряд ли нравилось), да и все его партнеры были сплошь немцами. У старшего Шукина имелся дальний прицел: послать сыновей набираться опыта в Германию, где торговое дело и текстильное производство были на высоте. Как только мальчикам исполнялось десять, их увозили в немецкую школу-интернат Behmsche Schule (Бемская школа). Ехали далеко и долго: сначала поездом до Петербурга, а оттуда на пароходе в Выборг, в Великое княжество Финляндское, бывшее тогда частью Российской империи. Петр Иванович рассказывал, что школа славилась строжайшей дисциплиной, уроками гимнастики и преподаванием всех наук на немецком. К сожалению, учение в Бемской школе было «сплошным зазубриванием». Учили историю и физику, зубрили Катехизис; в наказание за непослушание заучивали наизусть немецкие стихи (при всей своей набожности старший Шукин оказался человеком широких взглядов и не возражал, что сыновей обязывали ходить на службу в лютеранскую церковь). За плохое поведение получали по рукам линейкой, лишались обеда и ужина, а то и вовсе попадали в карцер. Вот что значит детство: учителя распускали руки («часто награждали учеников пощечинами», как пишет деликатный Петр Иванович), директор «публично бил палкой», а бывший воспитанник

Behmsche Schule вспоминает четыре года в Выборге с ностальгией (особенно трогает пассаж в мемуарах про сбор грибов и ягод, катание на коньках и ловлю салаки с моста).

После Бемской школы полагалось отучиться еще четыре года в пансионе на 5-й линии Васильевского острова в Петербурге. Шукиных воспитали истинными космополитами: в Выборге учились сплошь немцы, а в пансионе Дмитрия Фомича Гирста кого только не было: греки, французы, даже японец, и с ними в компании сыновья владельца знаменитого фарфорового завода братья Корниловы и один из Мамонтовых. По всей вероятности, у пансиона была хорошая репутация в купеческих кругах — воспитанникам читали курс коммерческих исчислений и товароведения, причем последний преподавал отец знаменитого петербургского педагога Лесгафта.

Через пансион Гирста И. В. Шукин «провел» троих сыновей, а затем отправил стажироваться за границу. О логистике и менеджменте Иван Васильевич представления не имел, но разработал индивидуальный маршрут каждому, рассчитывая охватить максимум коммерческих академий, торговых фирм и текстильных предприятий. Николая послал в немецкий Мюльгаузен, а теперь французский Мелюз, откуда родом были лучшие мастера ситценабивного дела¹, а потом отослал в Лейпциг. Петра отправил изучать текстильное производство в Лион, а Дмитрия — основы бухгалтерского учета и статистики в Политехникум в Дрезден. Для Сергея тоже подобрал Коммерческую академию в Германии. Любовь ко всему немецкому у Ивана Васильевича была столь велика, что старшую дочь Александру он выдал за немца Густава Люциуса, жившего в Лейпциге и служившего представителем текстильной фабрики Кехлина и Баумгартнера. Так как жених был католик, а невеста православная, вспоминал Петр Иванович, венчание проходило в Берлине в двух церквах: «сперва в русской посольской, а потом в католической (Hedwigkirche). На свадьбе присутствовали мои родители, моя сестра Надежда, два двоюродных брата жениха, из которых один потом был прусским министром земледелия (Freiherr von Lucius-Balhausen), а

¹ Уроженцами Мюльгаузена были химик-кolorист Штейнбах, внедривший ручную набивку многоколерных рисунков, и его зять рисовальщик Эмиль Циндель, основатель учрежденного в 1874 году в Москве Товарищества ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель», продукцией которого торговали Шукины.

другой, д-р Карл Люциус из Ахена, был долго депутатом в рейхстаге... Свадебный обед происходил в Hotel Royal». Через десять лет, в 1882 году, младшая сестра Ольга тоже выйдет за иностранца — швейцарца Александра Иоста, которого пригласит в Россию А. А. Фет¹.

Если старший Шукин одобрял браки с иноверцами, то учить сыновей в России он считал неразумным. Из-за этого Петр, намеревавшийся пойти не по торговой линии, а поступить в Технологический институт, специального образования не получил вообще, хотя и усиленно готовился к поступлению с целой командой репетиторов. Экзамены Петр почему-то сдавать не стал — то ли испугался, то ли его отговорил отец, взяв с собой во Францию закупать мануфактурный товар. На обратном пути Петр остался в Берлине — Иван Васильевич через партнеров устроил сына стажером к Абельсдорфу и Мейеру, самым крупным немецким торговцам бумажными и шерстяными материями. Спустя несколько месяцев, весной 1873 года, в Берлин приехал отец с братом Сергеем и все трое отправились на поезде в Мюнстер, а оттуда на лошадях в городок Бургштайнфурт, где практиковал доктор Денгарт, которого Шукиным рекомендовали как лучшего специалиста по лечению от заикания.

Заикой был Сергей. Больше ни у кого в семье подобного дефекта не было. То, что тщедушный и болезненный заика Сережа Шукин переживет всех (не считая сестры Надежды, которая скончается в 1956 году в Москве в возрасте 98 лет²), никто не предполагал. Опасались, что мальчик не выживет вообще, поэтому его жалели, оберегали и заботились о нем больше, чем о других. Ревнивый Петр напишет, что мамаша нарочно подговорила отца отправить его в Выборг, а любимого Сереженьку никуда от себя не отпустила. Екатерина Петровна была дама с характером, и муж во

¹ После женитьбы на племяннице Марии Петровны Фет-Боткиной ученый-агроном А. И. Иост, управлявший орловскими имениями Фета и его родственников, станет управляющим сахарным заводом Боткиных. Алексей Лагодин, муж четвертой сестры — Антонины Шукиной, тоже был специалистом по сахароварению.

² Надежда Шукина вышла замуж за товарища прокурора Тульского окружного суда Александра Мясново. После революции ей удавалось переписываться с сыном Николаем, которого приютил у себя в Париже брат Сергей Иванович. Благодаря письмам, доходившим до Надежды Ивановны из Франции, и стали известны некоторые подробности жизни семьи ее любимого брата в эмиграции.

многим с ней соглашался. Ни в Выборг, ни в Петербург к Гирсту Сергея не посылали и оставили учиться дома вместе с сестрами.

Так до восемнадцати лет Сережа Шукин жил при родителях, завидуя братьям, приезжавшим на Пасху и Рождество на каникулы. Все братья Шукины были людьми своеобразными, как любили выражаться в старину, или, говоря по-простому, со своими комплексами. Дмитрий с Петром эти самые комплексы культивировали и жили с ними в мире и согласии, а Сережа усиленно преодолевал. Когда стало ясно, что в гимназию его не отдадут (брата Дмитрия как раз перевели из петербургского пансиона доучиваться в Поливановскую гимназию), он решил сопротивляться. Еще до тотального внедрения фитнеса и норм здорового образа жизни было известно о пользе физических упражнений, закаливания и вегетарианства. Сережа Шукин без гимнастических залов и прочих ухищрений, благодаря лишь силе воли и невероятной настойчивости, начал перекраивать себя. И в шестьдесят он продолжал делать гимнастику, спать с открытыми окнами в мороз и стужу (утром зимой его находили спящим под огромным меховым одеялом с сосульками на усах), ограничивал себя в еде (любимыми блюдами вегетарианца Шукина были грибной суп и гречневая каша, куда он иногда добавлял ложку соуса от жаркого, приговаривая: «Это с грешком»).

Немецкий старичок доктор оказался волшебником и очень помог, но и молодой русский пациент был человеком волевым, а у таких шансов вылечиться много больше. Говорить Сергей стал значительно лучше, а главное, перестал заикливаться на своем дефекте, нервничать и краснеть, когда сразу не удавалось выговорить слово. Легкое заикание стало придавать ему даже некоторый шарм. «Он заметно заикался, но это не мешало быть ему приятным собеседником», — вспоминала видевшая его в 1910-х годах художница Варвара Бубнова. Осенью 1873 года Сергей Шукин поступил в Коммерческую академию в городе Гера, в нынешней Тюрингии (бывшая столица княжества Ройсс славилась производством сукна). За четыре года робкий subtilный юноша превратился в элегантного молодого человека, решительно настроенного преуспеть. Для начала — в отцовском бизнесе, где на него никто и не рассчитывал.

В 1878 году отец учредил торговый дом «И. В. Шукин с сыновьями» — надо было вводить наследников в дело. Николай, Сергей и Петр вошли в фирму равноправными

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru